

Агния Купалина

Память сердца

18+

Агния Купалина

Память сердца

«Автор»

2026

Купалина А.

Память сердца / А. Купалина — «Автор», 2026

«Память сердца» — диалогия о любви, рассказанной дважды: глазами женщины и глазами мужчины. Город Д., трёхмесячные курсы, случайная встреча на задней парте — и прозвище «Повидло», прилипшее на всю жизнь. Он — brutальный полярник, бегущий от нелюбимой женщины и самого себя. Она — двадцатилетняя студентка с разбитым сердцем, ищущая тепла. Оперные театры, письма, которые читают взахлёб, и Одесса, ставшая их единственной общей родиной. Первая часть — её голос: благодарная память о несбывшемся счастье. Вторая — его исповедь, тайна, которую он унёс через десятилетия: страх быть смелым, спрятанный под маской вечного шутника. Это книга о том, как любовь, не ставшая судьбой, всё равно остаётся самым настоящим, что было в жизни. О цене молчания. О том, что иногда единственный способ сказать «прости» — это написать книгу и надеяться, что её прочтут.

© Купалина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Память сердца

Глава

Лицом к лицу Лица не увидеть. Большое видится на расстоянии. Когда кипит морская гладь, Корабль в плачевном состоянии. С. Есенин, «Письмо к женщине»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Где ты, моя несбывшаяся любовь?

У каждого из нас на разных жизненных этапах случаются встречи, оставляющие неизгладимый след. Одни люди стираются из памяти навсегда — становятся размытыми силуэтами без имён. Других мы вспоминаем лишь изредка, перелистывая старые фотоальбомы. Но есть третьи — те, кто остаётся с нами навечно. Они сопровождают нас незримо сквозь десятилетия, напоминая о себе в едва уловимых мелочах: в случайно услышанном из открытого окна романсе, в терпком запахе осеннего дождя, в пожелтевшей театральной программке, забытой между страницами толстой книги.

Я всегда помнила о нём. Но возвращалась к этим мыслям редко — прятала их в самый дальний, потайной угол души, туда, где хранится то, что слишком дорого, чтобы тратить на повседневность. А сегодня воспоминания нахлынули сами собой — стоило солнечному лучу упасть на стену под определённым углом. На сердце легла лёгкая, светлая грусть. Не горькая. Та самая, после которой остаётся благодарное, тёплое послевкусие.

Глава 1. Встреча

Тогда мне едва исполнилось двадцать. Светлые пышные волосы, которые я едва успевала скалывать простой пластмассовой заколкой, открытый, ещё совсем наивный взгляд и сердце, уже успевшее пережить первую, очень болезненную юношескую влюблённость. Та ранняя любовь обошлась со мной жестоко — оставила глубокий, кровотокающий шрам. Мир после неё казался слишком резким, слишком контрастным, любая мелкая неудача ощущалась концом света.

Чтобы избавиться от этой изнуряющей боли, я решила уехать подальше от знакомых улиц и призрачных силуэтов прошлого. Судьба неожиданно сжалилась: меня направили на трёхмесячные профессиональные курсы в красивый, утопающий в зелени город Д.

Начало занятий я пропустила из-за путаницы с билетами. Приехала ранним утренним поездом и, даже не заезжая в общежитие, прямо с вокзала, с тяжёлой сумкой в руке, поспешила в учебный корпус. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Чужой город, незнакомые люди, а я врываюсь посреди лекции — не самое лучшее начало.

Я робко потянула тяжёлую дверь аудитории. В ту же секунду все взгляды повернулись ко мне. На пороге стояла девушка в летящем розовом платье из тонкого денима — я сама. Пышные светлые волосы растрепались от ветра, щёки горели румянцем. Преподаватель на секунду замолчал, держа мел в руке.

Свободное место во всём классе осталось только на самой задней парте, у окна. Там, в гордом одиночестве, сидел высокий широкоплечий молодой мужчина. Заметив мою растерянность, он чуть подался вперёд. В его глазах зажглись озорные, тёплые искры, и он, не стесняясь всей аудитории, восхищённо и с обезоруживающей улыбкой произнёс на весь класс:

— Повидло!..

Я опешила. Замерла на месте. А он рассмеялся — тихо, но так заразительно, что несколько человек в аудитории тоже улыбнулись. С этой самой секунды, с этого нелепого и

невероятно детского прозвища, он, не спрашивая никакого разрешения, просто и естественно взял меня под свою опеку.

Валерий был удивительным человеком. Высокий, крепко сложенный, с безупречной осанкой, которая выдавала привычку к физической нагрузке. В каждом его движении чувствовалась скрытая, уверенная мужская сила. Но больше всего притягивали глаза — живые, искрящиеся, полные какого-то внутреннего света. Он обладал редким, почти магнетическим обаянием.

Я тоже любила посмеяться, и наши характеры совпали мгновенно. Уже через пару дней мы были неразлучны. Он обожал давать всем прозвища. Как-то мимо нас прошли две девушки с высокими начёсами и крутой химической завивкой. Валерий проводил их взглядом, фыркнул и громко шепнул мне:

— Гляди, Повидло, — бульонки-болонки пошли!

И ещё долго смеялся на всю улицу, а я заливалась вместе с ним.

Но за этой маской вечного шутника и балагура скрывался человек со сложным, непростым характером. Однажды после лекции я решила спросить, как он вообще оказался на этих курсах в Д. Он вдруг посерьёзней, отбросил обычные ужимки и тихо ответил:

— Сбежал, Повидло. От всего сбежал.

Родители жили здесь же, в Д., но отношения не ладилась — характер у него был независимый, родительской укашки он не терпел. Всю сыновью нежность Валерий отдавал бабушке с дедом в портовом городе М. Они и воспитали его по-настоящему. Окончил торговый институт, но не захотел сидеть в тихой конторе. Рванул на Крайний Север за романтикой ледяных просторов, за настоящим делом и «длинным рублём». Хотел заработать на собственную кооперативную квартиру. Пять лет в Тикси и на Диксоне. Ледяные ветры, полярные ночи, тундра. Те пять лет, после которых человек либо ломается, либо становится твёрже камня. Валерий стал твёрже. Север выковал из него того brutального, уверенного мужчину, которого я увидела в аудитории. Деньги на квартиру в М. он заработал и вложил в строительство.

Вернувшись, решил погостить у родителей, пока достраивается дом. И там встретил Аллу.

— Алла была замужем, — сказал он, глядя в окно. — Мы закрутили такой роман, что я сам испугался, увез её в свою недостроенную жизнь. По документам она так и оставалась замужней — развод так и не состоялся. Прожили пять лет. Ссорились часто, я уходил ночевать к деду, потом остывал и возвращался... Костёр наш не горел — чадил.

И вот, когда дома накалилось до предела, подвернулись эти трёхмесячные курсы. Чистая формальность. Он ехал за тишиной. Не ожидал, что на третий день в аудиторию войдёт девушка в розовом платье, рядом с которой ему станет тепло и легко. «Повидлом» он назвал меня потому, что с первого взгляда разглядел во мне что-то свежее, воздушное, в красивой обёртке — зефир, который безумно хочется съесть.

Сам того не понимая, Валерий взял меня под крыло. Сидел рядом на лекциях, оберегал от чужих взглядов. Очень быстро мы поняли: мы на одной волне. Абсолютное совпадение душ. С Аллой у него были серые будни, а здесь — тоска по живому, яркому языку.

Мы вошли в доверие друг к другу поразительно легко. Я рассказала ему о своей любовной драме — приехала зализывать раны, сбежав от человека, который разбил мне сердце. Он выслушал меня очень внимательно, помолчал, а потом сказал слова, которые я запомнила надолго:

— Знаешь, Повидло... А зря ты его не простила. Он мужчина, ему требовалась женщина. Просто с тобой, такой чистой и маленькой, он, наверное, побоялся испортить. Вот и сорвался.

Эти слова заставили меня задуматься. Но рана уже почти не болела. Потому что рядом появился Валерка — моё новое, неожиданное и очень сильное лекарство.

У нас обнаружилась идеальная совместимость. Мы сыпали стихами, подхватывая строчки друг друга. Оба обожали оперу и балет. На скучных лекциях резались в морской бой на последних страницах тетрадей, с трудом сдерживая смех. В перерывах он садился на край моей парты и тихонько пел мне романсы. Рассказывал о Гиляровском, читал наизусть огромные поэмы.

А вечерами, если удавалось раздобыть дефицитные билеты, мы мчались в театр. После спектаклей — поздние ужины при свечах в маленьких ресторанчиках, долгие споры о чём-то. Всё это стало бальзамом для моего сердца. И в этом сердце незаметно, но неуклонно назревала новая, настоящая, осознанная любовь. Романтика южных вечеров, нежные слова и — самое главное — его взгляд, который смотрел на меня так, будто я была самым дорогим сокровищем на свете.

Глава 2. Письма

Три месяца курсов пролетели как один яркий, насыщенный день. Обучение закончилось, и нам пришлось разъехаться: Валерий вернулся к своей жизни в М., а я — к родителям, в город в ста пятидесяти километрах от него. Казалось, что разлука неизбежно оборвёт нашу тонкую нить. Но всё случилось иначе. Общение просто сменило форму — оно перетекло в страстный эпистолярный роман и бесконечные телефонные марафоны до самого рассвета.

По настоянию родителей я поступила в торговый институт на экономический факультет. Началась новая, довольно размеренная жизнь: общежитие, лекции, которые я слушала вполуха, потому что все мои мысли были заняты только им.

Валерий врвался в мою студенческую рутину постоянно и неожиданно. Он раздобывал дефицитные билеты в оперу и мчался ко мне в город. Сценарий почти всегда повторялся: театр, где мы замирали в унисон под музыку, потом маленькое кафе или ресторан, где мы сидели, держась за руки, и могли говорить обо всём на свете часами.

А когда мы были в разлуке, я писала ему огромные письма. Страница за страницей мелким, убористым почерком — не приторные признания, а подробные хроники моей жизни: что я читаю, о чём думаю на лекциях, какие книги меня потрясли, какие смешные случаи произошли в общежитии. Позже он смеялся в трубку:

— Ну и объёмы, Повидло! Чистая «Война и мир». Запираюсь в кабинете на полчаса, чтобы тебя прочитать.

Я знала, что он действительно так делает. Представляла, как он сидит, закрывшись от всего мира, и читает мои письма с той особенной улыбкой, которая появлялась у него только для меня.

По ночам у нас были часовые телефонные разговоры. Мы могли болтать до трёх-четырёх утра, пока не начинали отключаться. Эти разговоры стали для меня воздухом.

Однажды, ещё в самом начале наших отношений, мы сидели в парке поздним вечером. Он накинул мне на плечи свой пиджак — большой, тёплый, пахнущий им. Я смотрела на свои туфли и тихо, почти шёпотом, решила рассказать то, что жгло меня с детства:

— В детстве я ужасно завидовала сестре. Отец носил её на руках, кружил, шептал ласковые слова... А у меня родного отца не было. Мне всегда так не хватало сильного мужского плеча, за которое можно спрятаться.

Валерий ничего не ответил сразу. Просто молча притянул меня к себе и крепко обнял. А потом тихо сказал те самые слова, которые я буду помнить всю жизнь:

— Иди сюда, маленькая моя...

С того вечера в каждом его жесте, в каждом прикосновении появилась почти отцовская, защищающая нежность. Он прижимал меня к своей широкой груди, гладил по волосам, и я действительно чувствовала себя в абсолютной безопасности. Рядом с ним мир переставал быть таким страшным и колючим.

Наши отношения балансировали на очень тонкой грани. Иногда мне казалось, что мы больше похожи на брата и сестру — настолько чистой и сильной была его опека. Мы целовались — нежно, долго, сладостно. Но в моём девичьем сердце уже зрело совсем другое чувство — взрослое, глубокое, горячее.

Обо всём знала моя бабушка — мудрая, проницательная, говорившая правду в глаза. Однажды она тяжело вздохнула, положила свою тёплую ладонь на мою руку и сказала прямо:

— Послушай, внучка. Толку от этих отношений не будет. Валерий — поломанный, у него старый хвост. Не трать время зря, ищи свободного мальчишку-сверстника.

Я отводила глаза. Где взять этого «нормального» мальчишку? Мои ровесники-студенты казались мне детьми. Никто из них не умел слушать оперу так, как он, читать наизусть огромные поэмы, окружать такой царской заботой. И я продолжала лететь на этот огонь.

С самого начала я знала про Аллу. Валерий ничего не скрывал. И, как ни странно, я почти не ревновала. Моя тогдашняя наивность играла со мной злую шутку: я относилась к Алле почти как к его матери. У неё — быт, работа, привычная жизнь. А у меня — возвышенная, светлая сторона его души. Два разных мира, которые, как мне казалось, не должны были пересекаться.

Но Алла думала иначе. Однажды она выследила нас в городе. Мы шли по парку после концерта, смеялись. Вдруг дорогу преградила бледная женщина с горько блестящими глазами. Она закатила скандал на всю улицу.

Я стояла, чувствуя, как всё сжимается внутри. Потом спокойно развернулась и пошла прочь. Это была не моя война. Вины я не чувствовала. Я не разбивала семью — их отношения были разрушены задолго до меня.

Но этот случай стал тревожным звоночком. Годы шли, я взрослела, и моё сердце изнывало от глухой тревоги. Мне хотелось свою семью, детей. Наши отношения напоминали костёр: он не гас, но и не разгорался ярко. Стоило огню начать затухать, как Валерий подбрасывал новое полено — возникал на пороге с букетом или билетами в театр, звонил среди ночи. Время мы проводили красиво, но мне хотелось нового уровня.

Глава 3. Одесская рапсодия

Приближался мой двадцать третий день рождения. Июль стоял жаркий, асфальт плавился под ногами, воздух был густым и сладким от цветущих лип. За несколько дней до даты Валерий позвонил и сказал своим особенным, чуть заговорщическим тоном:

— Повидло, на двадцатое июля и последующие дни ничего не планируй. Собери небольшую сумку, обязательно возьми вечернее платье и туфли. Я готовлю тебе сюрприз.

Расспрашивать было бесполезно — он умел хранить секреты. Девятнадцатого вечером он приехал за мной, мы поехали в аэропорт. Только у стойки регистрации он с сияющей, мальчишеской улыбкой показал два посадочных талона: мы летели в Одессу.

Двадцатого июля я проснулась в номере гостиницы «Чёрное море». В дверь тихо постучали. На пороге стояла горничная с ресторанной тележкой: красиво накрытые блюда, ваза с живыми цветами и маленькая бархатная коробочка. Следом вошёл Валерий, напевая песенку о дне рождения. Он открыл коробочку, достал серьги — изящные, с прозрачными капельками горного хрусталя, лёгкими и сверкающими, как утренняя роса — и сам надел их мне на уши. Его пальцы слегка дрожали от волнения.

— С днём рождения, моя девочка, — тихо сказал он.

Позавтракали в номере, а потом пошли на море. Вода была тёплой, как парное молоко. Валерий учил меня плавать: поддерживал за талию, показывал движения, но больше, чем учить, ему явно хотелось просто держать меня, прижимать к себе, чувствовать мою кожу под своими ладонями. Мы смеялись, брызгались, ныряли, как два счастливых ребёнка, которым наконец-то разрешили всё.

После обеда он сказал: «Делай причёску, вечером у нас особое мероприятие». Я думала — ресторан. Но такси остановилось у величественного Одесского оперного театра. У него были

билеты на «Мадам Баттерфляй» Пуччини. Когда в зале погас свет и зазвучала музыка, меня захлестнуло такое острое, почти болезненное счастье, что перехватило дыхание.

Именно там, в полумраке ложи, под высокими сводами театра, под аккорды великой оперы, ко мне пришло ясное, окончательное решение. Я хочу сделать себе настоящий подарок. Я хочу подарить себе его. Я понимала, что будущее туманно, что семья может и не получиться, но я хотела, чтобы моим первым мужчиной стал именно он — здесь, в этой южной сказке.

После спектакля, за ужином в небольшом ресторанчике у моря, я тихо сказала ему об этом.

Валерий замер. Посмотрел на меня долгим, серьёзным взглядом.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — ответила я просто.

То ли южное вино, то ли волшебство всего этого дня, то ли накопившиеся за годы чувства — всё сложилось именно так, как я когда-то мечтала. Валерий оказался удивительно чутким, нежным и внимательным любовником. Его поцелуи дарили упоение, которое можно было сравнить с жаждой у ледяного родника: хочется пить бесконечно, но каждый глоток обжигает. В ту ночь я впервые почувствовала в его сильных руках едва заметную дрожь. У него, всегда такого уверенного, насмешливого и опытного, тоже был страх. И это сделало нашу близость ещё более настоящей. И сегодня, спустя десятилетия, тот одесский воздух, напоённый ароматом лип и моря, оживает во мне с прежней силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.